

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Ночные огни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Ночные огни / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-99135-3

ISBN 978-5-519-99135-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гилою герцога“. Еще недавно въ нее спускалась лампа, служившая такимъ же ночнымъ огнемъ. Крюкомъ притягивалъ къ бойницѣ „могилу герцога“ полуслѣпой сторожъ, приподымалъ стекло рѣшетки, зажигалъ фитиль и пускалъ ночной огонь кружиться, качаться, вспыхивать и гаснуть на пронзительно скрипѣвшей цѣпи. Теперь новые маяки заняли мѣсто прежнихъ ночныхъ огней, и „могила герцога“ остается однимъ воспоминаніемъ.

Я попалъ сюда случайно. На одинокую скалу меня загнала буря. Лошадь сбила себѣ копыта объ острые кремни не дороги, а скорѣе каменистаго ложа высохшаго потока. Вихрь грозно свисталъ въ уши, изъ мрака точно сотни какихъ-то черныхъ рукъ протягивались сорвать меня съ сѣдла. Порою казалось, что я вишу въ воздухѣ надъ гнѣвною бездною залива. Какъ меня не скинуло туда! Когда тропинка спускалась, жадныя, мокрыя пасти гремучихъ волнъ кидались на меня справа и прокатывались подъ брюхомъ коня далеко-далеко. Весь въ ихъ пѣнѣ и брызгахъ, оглушенный, ослѣпленный, я едва-едва различилъ мрачную массу сверху.

— Что это?—спрашиваю проводника.

— Башня герцога!.. Черезъ полчаса мы будемъ тамъ...

III.

Тяжелый, черный сводъ... Мы точно въ скалѣ. Камень давить сверху, вотъ-вотъ сдвинется съ боковъ

и расплющить насъ. Внизу, въ кучахъ щебня, что-то шуршитъ. Потревоженная змѣя или мирная ящерица? Противное, влажное падаетъ на лицо, холодное ползетъ по тѣлу. „Камень плачетъ!“—объясняетъ мой спутникъ. Небо расчистило. Выступили спокойныя, безстрастныя звѣзды. Вокругъ башни грохотъ волнъ, въ бойницы свищетъ вѣтеръ, воесть въ верхнемъ ея этажѣ подъ такими же сводами. Раскачиваетъ цѣпь въ желѣзной рукѣ. Визжатъ ея звенья, шуршитъ рѣшетка. Въ углу, гдѣ посуше, сложенъ хворостъ и буреломъ для костра. Да благословить небо заботящихся о случайномъ и чуждомъ имъ путникѣ!.. Искры сыплются изъ-подъ огнива, тихо-тихо разгорается во мракѣ тлуть. Ломкая жердь вспыхиваетъ краснымъ колеблющимся языкомъ, окуривается густымъ удушливымъ чадомъ. Золотая змѣя бѣжитъ по хворосту. Отъ нея въ сторону расползаются другія, быстро, извилисто,—точно выгоняя изъ дерева его душу,—сизый дымокъ. Нѣсколько змѣй слились, свились вокругъ толстаго ствола. Припали на минутку, и вдругъ вспыхнули яркимъ торжествующимъ полымемъ. Загадочныя тѣни разбѣгаются по угламъ, прячутся въ стѣны, вылетаютъ изъ бойницы... Выступила каменная лѣстница... Точно приподнялся черный сводъ... Только капли оттуда продолжаютъ падать въ огонь. Лошадиныя морды тянутся къ нему и фыркаютъ. Сѣдла сняты, они пойдутъ намъ подъ головы. Я завернулся въ пледъ. Пригрѣло.

— Сколько вѣковъ плачетъ камень и все-таки еще не выплакалъ своихъ слезъ...

Проводникъ точно для себя говорилъ это.

— Вѣдь сюда былъ заключенъ еще при донъ-Ра-миро герцогъ Валданья...

— При какомъ донъ-Рамиро,—королѣ-монахѣ?

— Жестокомъ и глупомъ... Арагонъ и Бискайя до сихъ поръ клянутъ его память.

— Такъ это и есть башня „вернувшагося“?

— Да...

IV.

Десять лѣтъ сидѣлъ здѣсь герцогъ Валданья...

Его привезли сюда юношей за то, что онъ одинъ осмѣлился въ гордомъ Арагонѣ вступить за народъ, измученный „королемъ-монахомъ“. Привезли и забыли. Жена тюремщика дала ему лютню, и, прислонивъ заплаканныя щеки къ желѣзной двери, ея маленькая дочь слухала по ночамъ печальный звонъ струнъ, которыми рыдала душа человѣка. Лѣстница наверхъ была открыта. Узникъ всходилъ по ней на плоскую кровлю и съ завистью смотрѣлъ на свободныя, гнѣвныя волны. Часто далеко-далеко, какъ большое крыло бѣлой птицы, мелькалъ парусъ рыболова... Еще чаще по зеленымъ гребнямъ неслись обломки разбитыхъ судовъ. Въ алыя зори надъ розовѣвшею пѣной вставали, точно облитые кровью, берега. Голубая ночь что-то говорила узнику загадочными рунами вѣковѣчныхъ созвѣздій. Безпощадное лѣтнее солнце, на зло вѣтру и морю, жгло юношу и сгоняло его внизъ, подъ черный каменный сводъ...

И въ звонѣ его лютни дѣвочка различала и унывную пѣсню вихря, и стонъ разбившейся о скалу волны, и тихое вѣяніе ночи, и кровавыя зарева вечернихъ зорь... А когда онъ пѣлъ о своей мукѣ, о людяхъ, оставленныхъ далеко-далеко, о жаждѣ свободы и любви,—сердце ребенка тянулось за звуками, уносилося съ ними за эти узкія бойницы, вытягивалось въ ниточку, болѣло,—вотъ-вотъ оборвется... Вѣтеръ заносилъ сюда сѣмена и былинки... Ронялъ ихъ въ трещину стараго камня. Дождь поливалъ ихъ, солнце отогрѣвало... Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ изъ расщелинъ выбѣжали зеленые, нѣжные побѣги, крѣпко-крѣпко прижались къ родному камню... Облиствѣли... Потянулись, какъ сердце дѣвочки, по сторонамъ за свѣтомъ и волей... Добѣжали до берегового отвѣса, зашуршали надъ самыми волнами, купая въ нихъ тонкіе и нѣжные ростки...

V.

Жена тюремщика умерла, дочь выросла. Ребенкомъ плакала надъ пѣсней узника, дѣвушкой—не могла въ щель старой двери отвести отъ него глазъ. Часто рождавшіеся въ бурѣ чайки налетали сюда и орали ей что-то, и ей самой хотѣлось крикнуть, да такъ, чтобы онъ услышалъ и отвѣтилъ ей... Бѣлыя крылья сѣрыхъ чаекъ мелькали мимо. Одна, которую вѣтромъ ударило о стѣну, уцѣпилась за ржавую рѣшетку и цѣлый день оставалась въ бойницѣ. Когда узникъ подходилъ, раненая широко открывала желтый клювъ,

кричала ему что-то, грозилась зеленоватыми, огнистыми глазами. Вечеромъ подъ зарей она и сама загорѣлась комочкомъ. Налетѣли другія чайки, орали ей что-то, звали съ собой. Чайка попробовала крылья, выкинулась и расшиблась о каменную луду. „Умерла на волѣ!“—мелькнуло яркой искрой въ головѣ узника. Онъ хотѣлъ разсмотрѣть ее, схватился за желѣзо рѣшетки. Еще недавно она твердо сидѣла въ своемъ гнѣздѣ. Теперь точно подалась. Юноша дернулъ сильнѣе... Камень разрыхлѣлъ, что ли, только ржавые прутья зашевелились. Изъ-подъ одного изъ нихъ показался ростокъ какой-то былинки. Герцогъ точно услышалъ издали призывной кличъ свободы. Мышцы его рукъ напряглись до боли. Жилы узлами выступили подъ тонкою кожей. Желѣзо скрипѣло о камень. Камень, шурша, поддавался... Ночь застала узника въ поту, измученнаго, но не принесла съ собою успокоенія. Лунный свѣтъ узкою полосой легъ на плитахъ... Въ этой полосѣ чернѣли тѣни отъ прутьевъ рѣшетки... Изрѣдка по нимъ мелькало что-то,—герцогъ зналъ,—мимо оконъ проносились смѣлая, вольныя птицы. Онъ вышелъ на кровлю... Вѣтеръ дулъ съ берега. На его крылахъ неслись сюда благоуханія далекихъ полей... Гнѣвное море устало билось о скалы... Герцогъ наклонился за бойницы и крикнулъ отъ неожиданности...

VI.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ онъ раньше не видалъ этого?

Неужели нужна ему была смерть разбитой чайки, чтобы разбудить вольную душу?

Каждый день сидѣлъ и стоялъ здѣсь. Свѣшивался, опираясь о бойницу, надъ гнѣвною бездною оперенныхъ бѣлыми гребнями волнъ, и не замѣчалъ ничего. Къ чему рѣшетка въ ея расшатавшихся гнѣздахъ? Тамъ нужны годы усилій, чтобы расширить ихъ до выхода изъ стѣны, а тутъ прямая дорога: схватись за эти колеблющіяся вѣтки цѣпкими руками и спускайся. Оборвутся зеленые вѣтки,—да вѣдь и чайка не боялась смерти и кинулась на встрѣчу простору. Или въ немъ душа подлаго раба? Мгновеніе свободы стократъ выше и дороже темничныхъ и тусклыхъ годовъ. Оно стоитъ разбитого черепа или сломанныхъ ногъ. Слава Богу, ржа и холодъ сырого камня не убили въ немъ молодой мощи. За башней дорога къ его родному замку. Нищимъ онъ вернется къ нему. Ему нужно немного: оружіе и конь, а тамъ и франкская граница рукой подать! И волны снизу гудятъ ему: ты свободенъ. И небо рунами безчисленныхъ созвѣздій говоритъ то же, и вѣтеръ свищетъ въ уши: скорѣй, скорѣй. А голоса бури! Теперь онъ припоминаетъ ихъ: по безграничному океану несутся они къ этому морю, надъ его неугомонными волнами долетаютъ сюда; въ ихъ ревѣ, крикѣ, стонѣ, въ ихъ завываніи и торжествующемъ хохотѣ—все то же: „свобода, свобода, свобода!“ И онъ столько лѣтъ ихъ слышалъ и не понималъ. За это время, впрочемъ, зеленые прутья плюща налились безчисленными соками, окрѣпли, свились въ веревки, давшія отъ себя

безчисленные побѣги, спустились до каменнаго берега и лежать на немъ. Зыбкая дорога на волю. Она дни и ночи шуршала ему въ бойницу, а онъ и не понималъ ея тихаго нѣжнаго призыва! Тонкій аромат цвѣтовъ, запутавшихся въ зеленой сѣти этой, будить въ его душѣ золотые сны неогляднаго простора. Тамъ, внизу, цѣлый міръ горныхъ высей, синихъ ущелій, благодатныхъ долинъ, нескончаемыхъ дорогъ, одинокихъ костровъ въ лѣсахъ, гордыхъ замковъ на утесахъ, неожиданныхъ встрѣчъ, негаданныхъ побѣдъ, а, можетъ быть, и пораженій... Орелъ въ клѣткѣ, и дверь растворена, а онъ, ослѣпленный въ неволѣ, не видѣлъ ея...

VII.

Остался еще на день въ каменной могилѣ.

Никогда дочь тюремщика не слышала такой чудной пѣсни. Струны лютни на этотъ разъ не плакали, не жаловались на неволю. Въ нихъ былъ восторгъ. Казалось, звуки отсюда, сквозь желѣзные прутья бойницы, неслись въ поднебесье, навстрѣчу свободнымъ орламъ. Иной разъ въ струнахъ пролетала буря, убѣгали передъ грозными огненными мечами провозвѣстниковъ свободы тысячи демоновъ и, кружась черными вихрями, падали въ безпросвѣтный мракъ преисподней. Вся застывшая, похолодѣвшая отъ восторга, дѣвушка прислушивалась къ новымъ пѣснямъ узника и опять плакала, потому что въ ихъ побѣдномъ гимнѣ не было мѣста ея маленькому бѣдному

сердцу. Бросая лютню, молодой герцогъ ходилъ изъ угла въ уголъ темнаго склепа, и когда его обдавало золотомъ заревыхъ лучей, дочь тюремщика въ щель любовалась имъ. Это былъ другой, новый, ей совсѣмъ невѣдомый. У этого глаза сіяли надеждой и отвагой. Лицо улыбалось... Чему? Какой миражъ оно видѣло за грубыми каменными стѣнами старой готской бапти?... Когда за бурными волнами, въ послѣдній разъ обливъ ихъ кровавымъ заревомъ, солнце сѣло, пѣсня оборвалась. Еще съ минуту въ воздухѣ носилась освобожденная душа лютни. Слышался слабый звонъ ея замирающихъ крылъ... Потомъ и она вернулась въ свою замолкшую тюрьму...

VIII.

Луна стояла высоко. Вѣтеръ упалъ. Утихали волны. Гдѣ-то плакалъ филинъ. Летучія мыши носились въ воздухѣ, шлепаясь трепетными крылами въ сплошную завѣсу зеленаго плюща. Узникъ вышелъ на кровлю. Вонъ узловатая, главная, лапа этой поросли. Глубоко вонзилась въ сырую трещину камня. Отъ нея всѣ побѣги. Плащъ перевившейся зелени точно держится здѣсь на черной застежкѣ. Въ окнѣ у тюремщика еще свѣтъ. Герцогъ видитъ его отраженіе на мокромъ камнѣ, внизу. Слабое-слабое... Скоро и оно потухло... Теперь!.. Сейчасъ... Сію минуту. Широко открылись двери свободы или смерти. Одна стоитъ другой. Онъ опустился на колѣни, въ амбразуру продвинулъ руку, схватился за корень и дернулъ.

Держится крѣпко. Всталъ опять. Прощай, тюрьма!.. Ея люди: и тюремщикъ, и его дочь были съ нимъ ласковы; но ласкою не купишь душу, жаждущую воли... Спустилъ ноги, укрѣпился руками за край... Мягкая масса, податливая, шуршащая, раздвигается подъ его грудью... Зубцы облиты сіяніемъ... Черкнула летучая мышь у самой головы. Большая темная птица опустилась около и, замѣтивъ его, съ жалобнымъ крикомъ сорвалась въ просторъ... Схватился рукою за главную узловатую лапу стараго плюща и весь ушелъ въ его влажную темень. Ниже и ниже... Прутья, нѣжные и мягкіе, рвутся... Другіе держатъ его. Ноги путаются въ сѣтяхъ, поддающихся подъ ними. Точно тамъ переплелось тысячу змѣй... Одна свилась, какъ петля, и крѣпко держитъ его. Едва оборвалъ эту предательскую ласку. Цвѣты чуть касаются горячаго лица. Дыханіе бѣглеца теряется въ свѣжести листвы. Порою онъ весь тонетъ въ этомъ плющѣ готской башни. Еще минута, и онъ свободенъ, свободенъ, свободенъ...

IX.

Онъ даже не замѣтилъ, какъ его ноги коснулись твердаго камня...

Съ минуту стоялъ весь окутанный сѣтями и листьями плюща. Тяжело дышала грудь. Сердце съ болью стучалось въ свою клѣтку. Луна свѣтила на эту площадку. Поднявъ руки, онъ чуть не вскрикнулъ. Какъ онъ не чувствовалъ боли? Его ладони были

изодраны. Кровь сочилась съ нихъ. Недалеко вскинула послѣдняя пѣна разбившейся волны. Онъ опустилъ туда руки. Точно обожгло солью ѣдкой влаги. Вонъ окно тюремщика... Онъ былъ скорѣе слугою узнику... Прощай... Тихо крадется мимо... Чья-то маленькая бѣлая рука оттуда бросаетъ ему цвѣтокъ... Послѣдній привѣтъ такъ жадно слушавшей его дѣвушки. Неужели она видѣла его?.. И не крикнула, не выдала!.. Онъ зорко всмотрѣлся, — въ окнѣ темно... Вѣрно, ему пригрезилось. Никакой руки не было... Нѣтъ, вонъ онъ, цвѣтокъ, умираетъ на холодѣ влажнаго камня. Наклонился, схватилъ и прошелъ дальше... Неужели воля... просторъ?.. До утра онъ будетъ далеко... А тамъ и къ его замку—прямой, незаказанный путь... Какъ хорошо... Вѣтеръ прямо въ лицо ему... Шевелить кудри, шепчетъ что-то на ухо... Камни берега остались позади... Мягкая, нѣжная трава подъ ногами... Чуть видны по сторонамъ осіянные мѣсяцемъ вершины большихъ деревьевъ. Откуда-то издали лаетъ песъ. Жилье близко... Рядомъ всхлипываетъ въ рытвинѣ горный ключъ... Бѣжитъ къ морю и, повстрѣчавшись съ узникомъ, обдалъ его ноги стужей...

Оглянулся...

Куда ушла башня?

Ея не видать за выступомъ. Спряталась, чтобы не застить ему чуднаго, вольнаго будущаго.